

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА
С БЫВШИМ ПРЕЗИДЕНТОМ США Р. НИКСОНОМ

18 июля 1986 года

Взаимные приветствия. Никсон выражает признательность за высокую честь быть принятым Генеральным секретарем ЦК КПСС.

ГОРБАЧЕВ. Встречи советских и американских представителей важны на всех уровнях. Причем у меня создается впечатление, что простые люди наших стран быстрее, чем политики, находят общий язык. Видимо, есть много общего в самой психологии наших двух народов, что, не в последнюю очередь, видимо, определяется масштабностью стран, их действительно огромными просторами.

В отношениях между США и СССР есть дефицит доверия. Поэтому все, что можно сделать для улучшения взаимопонимания, должно быть сделано.

Мир оказался на своеобразном перекрестке, и то, как пойдет дело дальше, во многом зависит от состояния советско-американских отношений.

НИКСОН. Полностью согласен с Вашей точкой зрения, господин Генеральный секретарь.

ГОРБАЧЕВ. Хочу сказать Вам то, что я говорил и другим, в том числе Президенту Рейгану и госсекретарю Шульцу: чем скорее мы освободим наши отношения от предрассудков и иллюзий, на которых порой строятся политические решения и политические шаги, тем лучше. **Есть убедительная в нынешнем мире реальность – это роль наших двух стран на международной арене и в этом смысле определенная взаимосвязь между ними. Но существует и другая реальность – мы с вами не одни в мире, а окружены целым «морем», десятками новых государств, недавно вышедших на самостоятельную политическую арену. Их интересы никому не дано игнорировать. Если кто-то позволит себе считать мир своей вотчиной, то он глубоко ошибается.**

И все же наиболее серьезной реальностью сегодняшнего мира является существование колоссального военного, в том числе ядерного арсенала

именно у наших двух стран. Если же мы будем строить политику в отношении друг друга и в отношении всего остального мира на ошибочных посылках и аргументах, то тогда дело может дойти до крайней точки конфронтации с самыми трагическими последствиями и для нас с вами, и для всего мира. Хотел бы подчеркнуть, что в советском обществе, не только в руководстве, сложилось твердое намерение – искать пути нормализации советско-американских отношений, находить и расширять точки соприкосновения между нами, чтобы в конечном счете прийти к дружественным отношениям. Быть может, сегодня такая цель покажется кому-то слишком завышенной, однако мы убеждены, что должен быть сделан именно этот выбор, ибо трудно представить себе, к чему придет, если пойдем в другом направлении.

Американский народ, по нашим представлениям, стремится к установлению мирных отношений, к взаимопониманию между нашими странами. Я видел однажды киноролик, рассказывающий о поездке американских туристов по Волге. Когда смотришь на кинокадры, в которых запечатлены советские люди и американцы, общающиеся друг с другом, оживленно беседующие, то поначалу даже нелегко отличить их друг от друга. Но, конечно, если проанализировать политические настроения и взгляды в США, то дело обстоит далеко не просто. Есть у вас круги и деятели, поддерживающие дело нормализации наших отношений и политику разоружения, а есть и те, кто яростно противодействует этому и стремится вести дело в русле «горячей» политики. К сожалению, в непосредственном окружении Президента, видимо, много людей, относящихся ко второй категории любителей «горячего».

Тем не менее, реалистически оценивая ситуацию, мы считаем, что нельзя сидеть сложа руки. Мне приходилось слышать, что, дескать, Горбачев и советское руководство настолько разочарованы в нынешнем Президенте, что если и не сворачивают отношения с ним, то, во всяком случае, смотрят уже дальше – большего ждут от его преемников. Я хочу сказать Вам – и прошу Вас передать это Президенту Рейгану – это не так. Это не так уже потому, что мы

должным образом оцениваем авторитет Президента, которым он пользуется в Соединенных Штатах. И если бы мы исходили из того, что проблемы, существующие между нами, лучше будет решать потом, после президентских выборов, то это означало бы, что их решение пришлось бы отложить на три-четыре года. А ведь за это время очень многое может измениться, в том числе в военной области. Поэтому в нынешней напряженной обстановке ждать – это роскошь, которую мы не можем себе позволить.

НИКСОН. Я абсолютно согласен с Вами в том, что касается отношений между нашими народами. Развитие более тесных и более дружественных отношений США и СССР совершенно необходимо для обеспечения прочного мира на Земле. Вы очень правильно сказали, что хотя наши страны велики, они не одни в мире. Действительно, к концу века население США и СССР в сумме составит полмиллиарда.

ГОРБАЧЕВ. Даже больше, только у нас будет 300 миллионов человек.

НИКСОН. И все же, даже если в наших странах будет 500-700 миллионов человек, в остальном мире количество населения превысит четыре с половиной миллиарда. Тем не менее с практической точки зрения наши две страны имеют совершенно особое значение. Конечно, они действуют в рамках определенных союзов с другими странами. Это важно. Но решающее значение для развития событий в мире все же имеет то, что происходит между нашими двумя странами. Мы многое можем сделать вместе, и поэтому так необходимо действовать вместе.

Вы, господин Генеральный секретарь, верно отметили популярность Президента Рейгана в американском народе. Я рад услышать Ваше реалистическое замечание о том, что лучше договориться с Президентом Рейганом сейчас, чем дожидаться его преемников, которые, может быть, будут не столь решительными в сравнении с нынешним Президентом. Преемник Президента Рейгана, будь то республиканец или демократ, будет избран с минимальным преимуществом. И независимо от того, какие у него будут намерения, потребуется года два-три – и, как я понял из сказанного Вами, Вы

того же мнения, – чтобы он смог выйти на тот уровень авторитета и силы, который позволил бы ему заручиться поддержкой договоренностей с СССР по вопросам безопасности.

Я знаю Президента Рейгана уже давно, больше тридцати лет. У меня создается твердое впечатление, что он считает дело американо-советских отношений своим личным делом. Вы правы: в администрации есть люди, которые не хотят договоренностей с Советским Союзом. Им кажется, что если они смогут изолировать Советский Союз в дипломатическом отношении, прижать его экономически, добиться военного превосходства, то советский строй рухнет. Но этого, разумеется, не произойдет. На протяжении многих лет Рейган, как Вы знаете, считался сторонником группировки, разделяющей подобные взгляды. Теперь, однако, он таковым не является. Я знаю из бесед с ним, что во многом на постепенное, но несомненное изменение его взглядов повлияла встреча с Вами. На него произвели большое впечатление не только содержание Ваших бесед, но и Ваша личная приверженность делу мирных отношений между нашими странами, что ясно осознал Президент Рейган. Он также считает, что у него сложились определенные личные отношения с Вами, и в силу этого он полагает, что вы вместе сумеете прийти к договоренности по вопросам, представляющим интерес для обеих сторон.

Я говорил господину Добрынину, что Президент Рейган несколько озадачен задержкой с определением сроков и подготовкой встречи на высшем уровне. Со своей стороны, я убежден, что Рейган не нуждается в нажиме, чтобы убедить его в необходимости достижения на встрече содержательной договоренности. Пусть кое-кто считает, что новая встреча Женевского типа, ограничивающаяся рукопожатиями, фотографированием, публичностью и подписанием совместного заявления, была бы вполне достаточной. Президент Рейган понимает, что это не получится. Ведь он хорошо разбирается в общественном мнении и видит, что если не будет существенных договоренностей, и дело ограничится тем же, что было на первой встрече, то встреча не произведет нужного ему впечатления на общественность.

Я очень надеюсь, что Вы сохраните личные отношения с Президентом Рейганом и после того, как он покинет свой пост. Я хочу, чтобы он и тогда ощущал свою заинтересованность в развитии американо-советских отношений на новой основе, в создании которой он сейчас участвует вместе с Вами, а не чувствовал бы себя своего рода сторонним критиком.

Понимаю, что сейчас, когда, как сказал господин Добрынин, шесть месяцев потрачено понапрасну, довольно трудно найти тот вопрос, по которому можно было бы договориться еще до встречи в верхах. Но я уверен, что Президент Рейган разделяет мнение Генерального секретаря ЦК КПСС о том, что следующая встреча должна быть содержательной и привести к прогрессу, к преодолению тупика в деле достижения договоренностей.

Должен, однако, предостеречь, что не следует ожидать достижения в ближайшем будущем комплексной договоренности по всем вопросам. Если удастся начать этот процесс, то тогда вполне можно рассчитывать на подписание такой большой договоренности в Москве в 1987 или 1988 году. На предстоящей встрече два руководителя могли бы определить широкие цели, своего рода схему дальнейших усилий, которые можно было бы продолжать в течение следующего года, в том числе по закрытым каналам. Безусловно, выработка большой договоренности потребует времени, что подтверждает опыт работы над соглашением ОСВ.

Хотел бы сказать несколько слов с ретроспективной точки зрения. Вы говорили о политике ограничения вооружений, которую я поддерживаю. Когда я впервые в 1959 году встретился с Хрущевым, Соединенные Штаты имели явное превосходство в области ядерных вооружений. Затем, когда я встречался с Генеральным секретарем, а впоследствии Президентом [*так в записи беседы*] Л.И. Брежневым в 1972-1974 годах, Соединенные Штаты и Советский Союз имели примерное равенство, паритет в области ядерного оружия. А сегодня, когда мы встречаемся с Вами, ситуация уже иная: Соединенные Штаты по-прежнему сильны, однако Советский Союз имеет существенное превосходство в таком важном компоненте, как стратегические

ракеты наземного базирования. Урок прошедших лет для меня заключается в том, что стремление к безопасности на основе превосходства – это утопия. Вы справедливо отмечали, что безопасность одних не может строиться в ущерб безопасности других. Со своей стороны я считаю, что в достигнутой Вами с Президентом Рейганом в Женеве договоренности о том, что в ядерной войне не может быть победителей и ее никогда не следует вести, надо добавить, что в гонке вооружений тоже не может быть победителей и поэтому ее тоже не должно быть.

ГОРБАЧЕВ. Полностью с этим согласен.

НИКСОН. Самое трудное, разумеется, – найти практические пути для преодоления существующего разрыва между позициями сторон, который еще достаточно велик. Конечно, я прибыл сюда без всяких полномочий. Однако в своих меморандумах, направленных Вам, я обратил внимание на возможные подходы к решению проблем контроля над вооружениями. Они обсуждались мною с рядом лиц и имеют, как представляется, перспективы.

ГОРБАЧЕВ. Я с интересом выслушал Вас и думаю, что наши мысли во многом идут в одном направлении. Я имею в виду мысли о взаимозависимости Советского Союза и Соединенных Штатов, а также о том, какое воздействие они могут оказывать на положение дел в мире, о необходимости искать пути и подходы, которые позволяют вернуть наши отношения в более здоровое и нормальное русло.

Несколько замечаний по содержанию сказанного Вами. После Женевы у меня сложилось впечатление, что **с Президентом Рейганом можно вести дела**. О чем мы договорились в Женеве? Перечислю вкратце, хотя Вам это известно. Мы выступили с важным заявлением о том, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана. Мы заявили, что будем стремиться к улучшению отношений между нашими странами. Мы договорились об ускорении процесса переговоров по разоружению. Кроме того, мы договорились о ряде обменов между нашими странами, о необходимости ликвидировать химическое оружие, о

консультациях по региональным проблемам и т. д. Условились мы и о том, с помощью каких инструментов и механизмов будем стараться воплотить договоренности в жизнь. В рамках общего механизма их осуществления важное место занимает и новая советско-американская встреча на высшем уровне. Однако сейчас у меня складывается впечатление, что американское руководство внешне, да и не только внешне, настаивает на том толковании, что главным вопросом в наших отношениях является проблема сроков следующей встречи на высшем уровне. Тем самым этот вопрос искусственно вырывается из общего контекста существующих между нами проблем.

Конечно, встреча на высшем уровне важна, и мы не преуменьшаем ее значения. Но она имеет смысл лишь в том случае, если станет катализатором и средством достижения конкретных договоренностей по уже перечисленным мною вопросам. Если же она будет пустой встречей, встречей без ничего, то зачем ее проводить? Так что мы за новую встречу, но за такую, которая позволит сделать один-два-три серьезных шага в направлении решения существующих между нами проблем.

НИКСОН. В области контроля над вооружениями?

ГОРБАЧЕВ. В этой области, но, возможно, и в других. Мы такой возможности не исключаем. По каким-то вопросам мы могли бы провести углубленное сопоставление позиций, дать указания своим соответствующим представителям о том, как вести переговоры дальше.

Вы можете быть уверены, что у Горбачева нет никаких коварных замыслов, он не стремится добиться победы в дипломатической игре. Такой путь неприемлем, ни к чему не приведет. Думаю, что и американскому руководству не следует стремиться к победе в подобного рода игре. Нужно другое: искать пути улучшения отношений, расчищать дорогу к договоренностям в области безопасности и в других вопросах.

До меня дошли сообщения, что Президент недоволен тем, что Горбачев не хочет определить дату проведения новой встречи на высшем уровне. Говорят даже, что, занимая такую позицию, я проявляю неуважение к

американскому руководству. Я не могу принять это обвинение и постараюсь объяснить Вам, почему.

Давайте посмотрим, что мы делали после Женевы. 1 января мы продлили мораторий на ядерные взрывы и призвали Соединенные Штаты присоединиться к нам. Это был бы пример того, как следовало бы действовать после Женевы. 15 января Советский Союз выдвинул развернутую программу сокращения и ликвидации ядерного оружия. Причем мы скрупулезно заботились о том, чтобы на каждом этапе осуществления этой программы обеспечивалась равная безопасность СССР и США. Наконец, недавно мы выдвинули программу сокращения обычных вооружений в Европе. В рамках этого комплекса предложений находится и наша новая, компромиссная позиция по ракетам средней дальности: **мы не требуем теперь для себя эквивалента в отношении английского и французского ядерных арсеналов.** Внесли мы новые предложения по химическому оружию, сформулировали другие инициативы.

А что делали США? Через несколько недель после Женевы началось яростное пропагандистское наступление, призванное отравить атмосферу между нашими странами. В нем участвовали высокопоставленные деятели администрации, втянули даже Президента. Затем последовало нарушение территориальных вод СССР американскими кораблями в Черном море, была предпринята акция против Ливии. Ядерные испытания не только не были прекращены, но и стали проводиться более интенсивно. И, наконец, венчает эту линию и является ее самым наглядным выражением объявление Договора ОСВ-2 мертвым. Вот и сравните: наши шаги и шаги США.

Неужели встречу на высшем уровне можно проводить, если будут сохраняться подобная атмосфера и продолжаться подобные действия? Как она в таком случае будет выглядеть и чем закончится? Такая встреча не только ничего не даст, но и может привести к ухудшению обстановки. Поэтому мы говорим, естественно, не выдвигая каких-то предварительных условий: для проведения новой встречи необходимы, по крайней мере, два элемента –

соответствующая атмосфера и уверенность, что будут достигнуты конкретные договоренности. Если вторая встреча не приведет к конкретным результатам в области ограничения вооружений, если Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент США ограничится пожатием рук, не дадут ответов на вопросы, волнующие наши страны и весь мир, это будет колossalный провал. Мы будем выглядеть перед всем миром как люди, не способные ответить на вопросы, которые ставит жизнь. Думаю, что это не в интересах Президента и, во всяком случае, не в моих интересах.

Конечно, можно испытывать определенную горечь от того, что реальность вроде бы подрывает возможность проведения продуктивной встречи в верхах. Однако мы из этого делаем не пессимистичный вывод, а считаем, что даже в такой ситуации необходимо искать компромиссные подходы, выдвигать новые предложения. Именно такие компромиссные предложения содержатся в письме, которое я недавно направил Президенту. Ответа на него я пока не получил. В нашем письме нашли отражение все проблемы, упомянутые и Вами: сокращение стратегических наступательных вооружений в контексте укрепления режима Договора по ПРО, ракеты средней дальности, ядерные испытания, региональные проблемы, гуманитарные и двусторонние вопросы. И все же не может не возникнуть вопроса: как можно в ситуации, когда Соединенные Штаты объявляют об отказе от ОСВ-2, вести содержательные переговоры и приходить к конструктивным договоренностям?

Повторяю: мы сейчас находимся на исключительно важном отрезке наших отношений, и наша позиция – позиция не только Горбачева, но всего советского руководства – решительно в пользу улучшения отношений с Соединенными Штатами. И если американская сторона проигнорирует эту политическую ситуацию, то история не простит ей этого.

НИКСОН. Я не хотел бы, чтобы создалось впечатление, что Президент Рейган рассержен. Скорее, он озадачен.

ГОРБАЧЕВ. А я озадачен еще больше.

НИКСОН. Господин Генеральный секретарь, Вы, несомненно, прекрасно разбираетесь во всех тонкостях контроля над вооружениями и во всех деталях ведущихся переговоров. Из сказанного Вами ясно, что Вы хорошо знакомы и с ходом переговоров. Что же касается Президента Рейгана, то он знает эти вопросы в более общих чертах. Но лично глубоко привержен их решению. И мне представляется очень важным, чтобы при подходе к этим очень трудным и серьезным вопросам сохранилось такое личное отношение Президента к ним. Я хотел бы, чтобы он и впредь поддерживал возможности улучшения отношений между нашими странами. Я не сомневаюсь в том, что он считает своей главной задачей в оставшиеся годы заложить прочную основу улучшения отношений между нашими странами и передать ее в наследство грядущим поколениям.

ГОРБАЧЕВ. В письме, направленном Президенту в июне с. г., мы предложили не только те цели, которые, на наш взгляд, следует иметь в виду при подготовке новой встречи, но и те механизмы, с помощью которых можно было бы продвигаться к достижению конкретных результатов. В этом случае за нами с Президентом осталась бы лишь политическая роль – контроль, наблюдение и, в конечном счете, подписание договоренностей. Американская сторона сообщила нам, что она в принципе принимает предложенный нами механизм. С учетом этого могу сообщить Вам, что наш заместитель министра иностранных дел уже в конце июля направится в США.

НИКСОН. Думается, что в практическом плане важно выделить тот вопрос, который, как я говорил господину Добрынину, был бы наилучшим «кандидатом на договоренность». Не следует ставить слишком большие, невыполнимые задачи. Может быть, таким вопросом станут ракеты промежуточной дальности или ядерные испытания. Что же касается стратегических наступательных вооружений и СОИ, то, судя по всему, для решения по ним потребуется больше времени.

Позволю себе кратко изложить свой принципиальный подход, так сказать, философию соотношения наступательных и оборонительных

вооружений. Она проста: ни одна из сторон не должна иметь способность нанесения первого удара, обе стороны должны иметь способность нанесения ответного удара. Сейчас в Соединенных Штатах сложилось впечатление, что Советский Союз благодаря своим ракетам СС-18 и СС-24 приобрел способность нанесения первого удара против ракет наземного базирования США. В свою очередь Советский Союз считает, что в рамках программы СОИ Соединенные Штаты пытаются создать ситуацию, когда у них будет и космический щит, и космический меч. Вы, несомненно, знаете, сколь решительно привержен Президент Рейган программе СОИ. Но хочу сказать: единственная причина, побуждающая строить оборону, – это страх перед наступательными средствами. Если бы угроза наступательных вооружений – ракет СС-18 и СС-24, – которую мы усматриваем (не важно, обоснованно или нет), была меньшей, то меньшей была бы потребность и в обороне. Для того, чтобы попытаться решить эту проблему, можно было бы, на мой взгляд, продлить Договор по ПРО (в смысле обязательств о невыходе из него) на пять лет и договориться придерживаться его строгой интерпретации. Кстати, я как человек, имевший отношение к его разработке, считаю, что правильной является именно более строгая интерпретация Договора по ПРО, которой придерживается и нынешняя администрация. Параллельно с этим можно было бы двигаться к решению по наступательным вооружениям, сокращая, в частности, ракеты СС-18 и СС-24. Вопросы эти сложные и вести по ним переговоры не мое дело. Однако мне представляется, что изложенная мною формула заслуживает внимания.

Что касается программы исследований в рамках СОИ, то она не может быть предметом переговоров. Им могут быть масштабы развертывания, но они зависят от размеров наступательной угрозы.

Я не знаю, как ведется подготовка ответа на Ваше послание Президентом, но знаю из сегодняшнего сообщения радио, что он должен быть направлен Вам в конце июля. Кстати, две недели назад журнал «Тайм» писал о том, что в администрации ведутся яростные споры – отвечать на письмо или

нет. Этот спор был решен Президентом Рейганом в пользу ответа. Разумеется, содержание его мне не известно.

ГОРБАЧЕВ. Сначала хотел бы высказать замечание общего характера. Упомянутые Вами вопросы относительно ограничения вооружений нашли отражение, как уже было сказано, в моем письме Президенту. Более того, мы предложили компромиссные пути решения проблем ракет средней дальности и стратегических вооружений в увязке с соблюдением Договора по ПРО. Я согласен с Вами, что в ходе моего визита в США можно было бы договориться только по одному-двум вопросам. Для подготовки договоренностей, если иметь в виду такие вопросы, как РСД и ядерные испытания, еще есть время. По стратегическим ракетам, Договору по ПРО, а также СОИ мы могли бы на встрече провести углубленный обмен мнениями и выработать указания для делегаций, ведущих переговоры.

Что же касается Ваших конкретных соображений, то у нас с Вами есть некоторые различия, но мыслим мы в одном направлении. Мне кажется, что, если бы Президентом был бы Ричард Никсон, мы быстро бы с Вами договорились.

Теперь о программе СОИ. Дело не в том, что мы боимся СОИ. Мы можем быстро найти на нее ответ, причем он будет не из той сферы, откуда его ждут в США. Но это будет такой ответ, который обесценит программу СОИ. Однако главный вред СОИ заключается в том, что она подрывает перспективы переговоров, создает недоверие, неуверенность у другой стороны. Разве можно в таких условиях рассчитывать на успех? Так что самый вредный аспект СОИ – это аспект политический, а потом уже военный.

НИКСОН. Нет никакого сомнения в том, что Советский Союз может сделать все то, на что способны США. На Вашей блестящей пресс-конференции в Женеве Вы сказали: «Мы не простаки». И действительно, Соединенные Штаты первыми создали атомную бомбу, но через три года ее создал и Советский Союз. Водородную бомбу вы испытали через год после

США, технологию РГЧ (*РГЧ – разделительная головная часть [ракеты]*) – тоже через год, а сейчас кое в чем вышли и вперед. И, конечно, не следует забывать, что первым человеком был в космосе не американец, а советский человек.

ГОРБАЧЕВ. Гонка вооружений – не наш выбор. У меня иногда создается впечатление, что американские президенты, постоянно восхваляя капиталистическую систему, тем не менее не очень-то уверены в ней, боятся соревнования с СССР в мирных условиях. Поэтому и нажимают на военную машину, прибегают к раздуванию напряженности и т. п. Но если идти по такому пути, что ждет нас в будущем? Неужели мы должны стреляться друг с другом?

НИКСОН. Действительно, в прошлом Президент придерживался подобных позиций. Но сейчас он хорошо понимает, что Соединенные Штаты и Советский Союз должны признать, что каждый может сделать то же самое, что и другая сторона. Учитывая это, необходимо сделать выбор: пытаться ли добиться превосходства или работать вместе, сохранять паритет и безопасность для обеих сторон. Я за второй выбор, ибо считаю, что безопасность на основе превосходства – это иллюзия.

ГОРБАЧЕВ. Я тоже за второй путь.

НИКСОН. Вчера, когда мы ехали в машине по загородному московскому шоссе, мой помощник, который был здесь с Киссинджером, сказал: «Посмотрите на этих людей: это сильный, здоровый, способный народ». Да, действительно, наши два народа занимают ключевое положение в мире. Они способны многое сделать для всех, но способны и уничтожить всех. Впрочем, что я Вам говорю? Ведь это похоже на пастора, читающего проповедь в своем собственном приходе.

ГОРБАЧЕВ. Что ж, и неплохо. В Америке, пожалуй, недостает таких проповедей.

В общем, можно констатировать: мы за поиски путей налаживания дружественных отношений между нашими странами. Ведь сейчас создалась

поистине парадоксальная ситуация. **Даже если одна страна будет постоянно вооружаться, наращивать вооружения, а другая ничего не будет делать, то та сторона, которая вооружается, все равно ничего от этого не выиграет.** Ведь более слабая сторона может просто взорвать все свои ядерные заряды, даже на своей территории, и это будет означать самоубийство для нее и медленное убийство для противника. Поэтому Вы совершенно правильно говорите, что устремление к военному превосходству – это миф.

НИКСОН. 40 лет назад Уинстон Черчилль выступил с одной речью, которую здесь у вас называют пресловутой, поскольку в ней он впервые говорил о «железном занавесе». Но в этой речи, которая была произнесена, когда только у США были атомные бомбы (всего 9 и каждая слабее, чем любой из нынешних 50 тысяч ядерных зарядов), содержалось одно серьезное заявление. Черчилль сказал, что на зияющих крыльях техники на Землю может вернуться каменный век. Крылья, с которых могут дождем пролиться блага для всего человечества, могут принести ему гибель. Сегодня именно Вам, господин Генеральный секретарь, и Президенту Рейгану, а также его преемникам предстоит сделать исторический выбор во имя мирного будущего.

ГОРБАЧЕВ. Я и мои коллеги в советском политическом руководстве уверены, что наши страны в состоянии найти ответ на проблемы радикального сокращения вооружений и нормализации, а затем – налаживания сотрудничества в советско-американских отношениях. И даже если у американского правительства будет теряться интерес к решению этих проблем, мы ему покоя не дадим, будем настойчиво добиваться этого. Надеемся, что наш голос не будет гласом вопиющего в пустыне! Вот в этом духе я хочу сказать, что доволен нашей интересной беседой. Прошу Вас передать содержание нашей беседы, ее дух Президенту Рейгану. Передайте ему также привет от меня лично.

НИКСОН. Я, конечно, доложу о нашей беседе ему, и только ему. Я не говорил с прессой во время своего пребывания здесь и не собираюсь этого

делать, ибо хочу сохранить доверие между нами, конфиденциальность обмена мнениями. Что касается высказанных мною соображений, то, может быть, они натолкнут Вас на новые мысли, в чем-то помогут. Ну, а если нет, ничего страшного.

Теперь несколько личных слов. Я думаю, Вы счастливый человек. Вам сейчас столько же лет, сколько было мне, когда я стал Президентом. Как и у меня, у Вас очаровательная супруга. Будучи Президентом, я попадал порой в большие неприятности. Но кое-что удалось сделать. Я наладил новые взаимоотношения между Китаем и США, и, что самое главное, – между США и Советским Союзом, при мне были подписаны соглашения по ограничению стратегических вооружений. Призвание руководителей – добиться перемен, хотя бы небольших. Мне это удавалось. Вы можете добиться очень многого. Вы можете начать с Президентом Рейганом, продолжить с его преемниками, добиваясь установления прочных отношений сотрудничества между нашими странами. Да, между нами есть различия. Но есть и одно общее, что выше всех разногласий, – необходимость не воевать из-за этих различий. Я думаю, что дело достижения этой цели в хороших руках. После сегодняшней беседы с Вами я особенно убедился в этом.

ГОРБАЧЕВ. Благодарю Вас, господин Никсон, за доброжелательные слова.